

Маркс и Россия: сложности взаимного восприятия

В.В. Миронов

Автор отвечает на вопрос о том, в какой мере теория Маркса применима к исследованию российских реалий и каким было отношение Маркса к России и обратно. В статье показывается, что теория Маркса и, в частности, его работы в области диалектики, философии истории и др. носят достаточно универсальный характер, хотя, как и любая другая философская доктрина, не могут быть применены буквально. Не менее важно учитывать, что работы Маркса исходили из реалий XIX века. Тем не менее ряд их положений сохраняет значение и в настоящее время, и главное из них – критический анализ противоречий капиталистической общественной системы, который весьма актуален с точки зрения исследования условий современной России. Автор показывает, что отношение Маркса к России было противоречивым, а отношение к Марксу в России менялось не единожды. До революции 1917 г. работы Маркса были весьма популярны в среде критически мыслящей интеллигенции. В СССР марксизм был превращен в обязательный и по преимуществу догматический теоретический нарратив, хотя существовали и мирового уровня работы в сфере критического марксизма. После распада СССР возник противоположный крен – догматическое отрицание марксизма, которое в последние годы, однако, сменяется возрождением интереса к творческому марксизму, свидетельством чего стало, в частности, формирование Постсоветской школы критического марксизма.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Маркс, марксизм, Россия, СССР, интеллигенция.

МИРОНОВ Владимир Васильевич – член-корреспондент РАН, декан философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой онтологии и теории познания, доктор философских наук, профессор, г. Москва.

dean@philos.msu.ru

Статья поступила в редакцию 20 февраля 2018 г.

Цитирование: *Миронов В.В.* Маркс и Россия: сложности взаимного восприятия // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 119–130.

История России XX в., да и ее новейшая история весьма тесно связана с идейным наследием Карла Маркса и его влиянием на развитие едва ли не всех общественных процессов в стране в предреволюционный, советский и постсоветский период, когда многие шаги так называемых «реформ» были нацелены прежде всего на демонтаж того, что ранее создавалось, как тогда казалось, в соответствии с учением Маркса. В этом тексте мне хотелось бы остановиться не столько на содержании самой теории марксизма (она достаточно широко известна), сколько на проблеме восприятия социальных идей и их творцов в сознании людей. Они интерпретируются в зависимости от конкретной культуры и практики реализации идей, что само по себе позволяет сделать выводы как о самой воспринимающей культуре, так и уточнить «культурный портрет» того или иного автора. Как здесь не вспомнить иронические стихи Ксенофана о восприятии богов разными народами:

*Чёрными пишут богов и курносыми все эфиопы,
Голубоокими их же и русыми пишут фракийцы.*

Это своеобразный экзистенциально-культурологический подход, который может высокомерно отбрасываться, но тем не менее он позволяет понять сам фактор популярности того или иного философа в конкретной культуре, которая адаптирует этот образ «под себя».

Для образа К. Маркса это справедливо в наибольшей степени в силу охвата идеями марксизма, по сути, всего мира. Поэтому и марксизм часто приобретает специфические черты его понимания и реализации: от взвешенного европейского, до экзальтированного китайского, русского или южноамериканского.

В России «степень колебания» отношения к Марксу как личности едва ли не предельно высока и в ряде случаев даже гипертрофирована: от абсолютного признания до полного отрицания, когда герой превращается и выступает как злобный трикстер. Это отражает сложность диалога между разными культурами. Как отмечал Ю.М. Лотман, в диалоге культур то, что совпадает, тождественно, а значит, менее интересно для познающего, а более важным является наличие смысловой зоны непонимания, которое само по себе выступает стимулом понимания как проникновения в культуру Другого. «...Непонимание делает понимание мучительным и вместе с тем имеющим смысл и высокую ценность» [Лотман 2005, 74].

Для российского контекста это замечание особенно значимо. Мы вот уже почти 150 лет мы повторяем как заклинание вслед за Ф.И. Тютчевым:

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить¹.*

Это часто раздражает представителей иной культуры, и один мой коллега из Германии, кстати, очень хорошо относившейся к России, много лет в ней проработавший и даже, так уж сложилась судьба, умерший здесь, говорил по этому поводу: «Ну а какой же тогда частью тела нужно понимать русских?..» Удивительно, но мы часто даже гордимся тем, что нас не понимают, ибо нам кажется, что это придаёт нам своеобразную исключительность. А такая исключительность порождает желание не столько объяснять, сколько требовать, чтобы тебя понимали и признавали. И тогда фраза «В Россию можно только верить», преобразуется в усиление: «В Россию нужно только верить»².

Всё это отражает глубоко идеократический характер российского общества, в котором рациональное восприятие отступает на второй план, а на первый выходит вера. Поэтому не удивительно, что именно глубоко атеистический марксизм в России для большинства выступил как некая новая религия. Соответственно, и «реализация идей» Маркса в нашей стране приняла характер весьма своеобразной интерпретации марксизма, и «созданный в СССР строй соответствовал Марксовой модели социализма не более, чем общество древней Месопотамии. В действительности под флагом социализма в стране реализовался вариант описанного Марксом “азиатского способа производства”» [Момджян 2013, 22]. Многие фундаментальные положения Маркса, которые якобы использовали их адепты, на практике реализовывались с точностью до наоборот: общественное бытие, которое, по Марксу, должно было определять общественное сознание, оказывалось реализацией самих идей и построения общества по некой идеологической схеме, в которой «Марксовы базис и надстройка в некотором смысле меняются местами — не власть является функцией собственности, а наоборот, собственность является функцией власти. Следствием такого устройства является гипертрофированная государственность, тождественная отсутствию гражданского общества» [Момджян 2015, 145–146].

Такой тип общества называют политарным. Его особенность заключается в том, что государственные структуры подминают под себя гражданское общество, что придаёт государственному аппарату гипертрофированную сущность, на вершине которой должен присутствовать вождь как абсолютное олицетворение силы власти. Именно

отсюда идет традиция распределительных возможностей власти, пронизывающая российское общество на протяжении всей ее истории. Государственный аппарат «...при всей своей конечной неэффективности мог делать много такого, что не снилось самым восторженным почитателям этатизма на Западе — контролировать наличие или отсутствие бород на лицах поданных, регламент их половой жизни, длину и ширину брюк и т.п. и т.п.» [Момджян 1997, 27]. Эти факторы делали Россию страной непонятной для представителей других культур. Её воспринимали либо через литературные образы, либо по образцам поведения «наших людей», как сегодня на пляжах Майорки. Такой образ, основанный на непонимании, неизбежно сопровождался боязнью перед непредсказуемостью действий как отдельных русских, так и российского государства в целом.

В силу указанной идеократичности и политарности социальная теория марксизма приобрела в нашей стране фетишизированный характер, став во многом предметом веры и поклонения. К ней относились не как к концептуальной модели, созданной разумом человека, а как к некоей ниспосланной свыше системе рецептов переустройства социального порядка. Это деформирует реальное восприятие практического поведения людей, будь то область политики или экономики, которые воспринимаются через их идеологическую интерпретацию. Такая трансформация небезобидна: идеократическое мышление — удобный механизм манипуляции массовым сознанием. В советский период очень часто те или иные цитаты из Маркса использовались людьми, которые не были хоть сколько-нибудь глубоко знакомы с работами Маркса, не говоря уже о мировом марксистском научном наследии.

* * *

Следует подчеркнуть, что не только отношение к Марксу в России было противоречивым. *Противоречивым было и отношение Маркса к Российской Империи.* С одной стороны, у Маркса есть немало критических положений в адрес России, но они были продуктом не русофобии Маркса, а его социально-классового подхода, следование которому позволяло сделать имеющий немалые основания вывод о реакционности абсолютистского монархического строя Российской Империи середины XIX в. Из этого им иной раз и делались выводы и относительно России и русской аристократии, которые помогали реализовать идеи контрреволюции в Европе.

Соответственно, и отношение к представителям России было весьма различным и не всегда справедливым. В одном из писем к Кугельману Маркс пишет: «Такова ирония судьбы: русские, с которыми я в течение 25 лет непрерывно боролся в своих выступлениях не только на немецком, но и на французском, и на английском языках, всегда были моими “благодетелями”. В 1843–1844 гг. в Париже тамошние русские аристократы носили меня на руках. Моё сочинение против Прудона (1847), а также то, что издал Дункер (1859), нигде не нашли такого большого сбыта, как в России. И первой иностранной нацией, которая переводит “Капитал”, оказывается русская. Но все это не следует переоценивать. Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких университетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что даёт Запад. Это чистейшее гурманство, такое же, каким занималась часть французской аристократии в XVIII столетии. <...> Это не мешает тем же русским, с поступлением на государственную службу делаться негодьями» [Маркс 1964^a, 472].

С другой стороны, Маркс был секретарём русской секции Интернационала, изучал русский язык, цитировал Пушкина, среди людей, с которыми Маркс вел диалог, много очень разных представителей российской интеллигенции. В последние годы жизни Маркс специально и очень вдумчиво работал над проблемой возможности движения к социализму не самых передовых в экономическом отношении стран и, в частности, России. Эти размышления и сомнения Маркса по вопросу о прогрессивном потенциале русской общины отражены в его набросках письма к Засулич

[Маркс 1961, 250–251]. Подчеркну, что Маркс так и не дал однозначного ответа на этот вопрос, считая его предметом для серьезного изучения.

* * *

Почему и каких русских Маркс недолюбливал, а каких уважал? Ответ на этот вопрос непрост. В список лиц, к которым Маркс был не безразличен, попадают крупные и известные, в том числе и в Европе, фигуры.

Например с М.А. Бакуниним К. Маркс был знаком с 1844 г. Вот как вспоминает об этом Бакунин: «Мы сошлись довольно близко. <...> Однако полной близости между нами не было никогда. Наши темпераменты не подходили друг к другу. Он называл меня сентиментальным идеалистом — и был прав; я называл его вероломным, коварным и тщеславным человеком — и тоже был прав» [Муриков 2014, 67–68].

Бакунин в 1869 г. (вскоре после выхода стихотворения Тютчева) издаёт в России «Манифест Коммунистической партии». Он же и был его первым переводчиком. Но в конечном счёте отношения Маркса и Бакунина стали сугубо недружелюбными. Особенно резко Маркс высказывался о негативной роли Бакунина по отношению к Первому Интернационалу, над созданием которого долгое время работал Маркс.

Не менее значимыми были отношения Маркса и Герцена, которого Маркс так же оценивал во многих случаях весьма негативно и критично, называя «социалистом на словах». Надо отдать должное: Герцен тоже не оставался в долгу, называя последователей Маркса «марксидами» [Герцен 1931, 399], словом, в котором можно усмотреть и аллюзию на слово «гниды». Впрочем, говоря обо всех этих жестких, а подчас и жестоких взаимных критических выпадах, надо помнить, что сто пятьдесят лет назад даже между близкими товарищами нелицеприятные выражения были в порядке вещей.

Интересно то, что Бакунин и Герцен находились, по сути, в одной смысловой плоскости с Марксом. Их идеи во многом представляли зеркальные отображения его собственных идей, хотя, с точки зрения Маркса, эти зеркала, наверно, выглядели в немалой степени кривыми. Не будем забывать, что Бакунин стал одним из основоположников радикального анархизма, который имел немало формально общих черт с радикальным марксизмом, а Герцен стал одним из предтеч либерального марксизма, изрядно при этом перемешенного со славянофильством.

Нельзя не отметить, что при весьма критическом, если не сказать жестче, отношении к Бакунину и Герцену, российским революционным демократам (упомянем имена Лаврова, Чернышевского, Добролюбова, Засулич) Маркс симпатизировал. По-видимому, на первый план выступали классовые предпочтения. Наибольшей симпатии здесь удостоился Лопатин. Маркс пишет: «Он — единственный “солидный” русский из всех, кого я до сих пор встречал, а национальные предрассудки я скоро из него выбью» [Маркс 1964⁶, 24].

Эти противоречия Маркса по отношению к русским интересно объяснял Энгельс: «Что касается русских вообще, то существует огромная разница между ранее приехавшими в Европу русскими дворянами аристократами, к которым принадлежат Герцен и Бакунин и которые все шарлатаны, и теми, кто приезжает теперь, — выходцами из *народа*. Среди последних есть люди, которые по своим дарованиям и характеру безусловно принадлежат к лучшим людям нашей партии; парни, у которых выдержка, твёрдость характера и в то же время теоретическое понимание прямо поразительны» [Энгельс 1964^a, 411].

Энгельс, постоянно критиковавший царскую Россию за её реакционность, в то же время отмечает в письме к Засулич, обращаясь к ней по-революционному: «Дорогая гражданка! <...> То, что Вы мне сообщаете о растущем интересе в России к изучению книг по теории социализма, доставило мне большое удовольствие. Теоретическая и критическая мысль, почти совершенно исчезнувшая из наших немецких школ, по-видимому, в самом деле нашла себе убежище в России» [Энгельс 1964⁶, 104].

Россия также никогда не была безразлична к Марксу. Власти императорской России начиная с 1844 г. внесли Маркса в число лиц, которых предписывалось немедленно арестовать в случае приезда в Россию. Начиная с этого же времени власть постоянно предписывала всячески бороться с коммунистическими идеями, а после создания Российской социал-демократической рабочей партии не только большевики, но и меньшевики стали заклятыми врагами режима.

В то же время некоторые теоретические работы Маркса и, в первую очередь, «Капитал» были пропущены цензурой и издавались легально. В России уже в 1872 г. издаётся перевод «Капитала». Причём объявления о выходе перевода помещаются в правительственных газетах. Это было отражением либерального правления Александра II. Власть была уверена, что марксистские идеи не будут восприняты в России. Известна история, когда один из цензоров, «запустивший» книгу в печать, поставил на тексте «Капитала» резолюцию: «Её немногие прочтут в России, и ещё меньше поймут её» [Литературное наследство 1969, 49]. Надо сказать, он весьма ошибся, ибо книга становится настольной, своеобразной важнейшей частью интеллектуального багажа не только русских революционеров того периода. «Капитал» стал своего рода «библией» экономистов и социологов советского периода. Более того, после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. он вновь стал одним из самых издаваемых экономических произведений и служит основой для широкого спектра современных дискуссий (см. [Ананьин 2007; Межуев 2007; Воейков 2011; Кагарлицкий 2011; Славин 2014; Пороховский 2016] и др.). С работами Маркса знакомили даже членов царской семьи. Была и ещё одна возможная причина для разрешения публикации. В марксизме могли видеть альтернативу движению народолюбцев, казавшемуся в момент выхода «Капитала» главной угрозой для самодержавия.

Российская интеллигенция (во всяком случае, ее критически мыслящая часть) с огромным вниманием восприняла работы Маркса. Их хорошо знали в России. Правда, нравилась теория сама по себе, но смущали возможности ее реализации. Одоевский говорил о ее нереализуемости «в ближайшие 300 лет». Когда Чернышевскому прислали русский перевод первого тома «Капитала», тот «как признавал позднее, не стал читать его, а “пересмотрел” и, “отрывая листик за листиком, делал из них кораблики и пускал по Вилюю» [Пустарнаков 1999, 314].

Таким образом, нравилось это самому Марксу или нет, но *идеи Маркса не столько понимали, сколько действительно любили в России.* Это характерная черта русского сознания. В философии мы уже до Маркса точно так же влюблялись в Гегеля, сегодня многие влюблены в постмодернизм или аналитическую философию. Это состояние «влюбленности» в ту или иную философскую концепцию, характерное в целом для российской интеллигенции, приводит к тому, что объект любви идеализируется и не подвергается критическому анализу, недостатки игнорируются и т.п. Это в значительной мере следует отнести и к марксизму. Более того, в советский период весьма упрощенная и своеобразно интерпретированная версия марксизма была превращена в незыблемый канон и стала не только навязываемым сверху атрибутом любого обществоведческого исследования или учебника, но и основой официальной идеологии.

Между тем, как хорошо известно, любая идеология, возведённая в ранг всеобщей, нуждается в собственных символах и ритуалах, выступая, по сути, как мифология, сопряжённая с художественной окраской тех символов, которые она конструирует. Для большинства людей она требует не знания, а веры в неё. Маркс же был превращён в один из главных символов указанной идеологии, которая детализировалась в зависимости от времени и среза общественного сознания.

Один из таких мифов — героический. Он был характерен для массового общественного сознания недавнего советского прошлого и сохраняется отчасти и сейчас. Здесь образ Маркса с развевающейся бородой носит демонический характер. Перед нами почти библейский Моисей. В советской стране Маркс действительно становит-

ся национальным героем. Его именем называют станции метро, улицы и наиболее крупные площади.

Второй миф «концептуальный», который предназначался, прежде всего, для интеллигенции, в той или иной степени знакомой с трудами Маркса. В основе его долгое время лежал тезис о существовании «двух» Марксов. С одной стороны, *Маркс официальный*, выборка из идей которого широко пропагандируется. А с другой, *непрочитанный или неизвестный Маркс*. Это его работы раннего периода, наполненные гуманистическими и экзистенциалистскими мотивами, которые называются «незрелыми». Знание этого Маркса было неким знаком внутренней интеллектуальной свободы, поэтому *такого — гуманистически прочитанного — Маркса любили в среде гуманитарной интеллигенции.*

Вообще, следует иметь в виду, что в советской системе до начала 1980-х гг. марксизм рассматривался как универсальная и всё объясняющая теория. Однако в кругу профессионалов велись серьёзные дебаты по проблемам марксизма, широкий круг работ обществоведов, формально называвших себя марксистами, в действительности был далек и от методологии, и от теории Маркса. Но господствующим оставался некий канонизированный официальный марксизм. Именно поэтому марксизм стал общей идеологической базой эпохи начала реформ.

Следует, однако, подчеркнуть, что в период хрущевской «оттепели», а особенно в годы горбачевской «перестройки», т.е. в 1960-е и во второй половине 1980-х годов в СССР активно развивается творческий марксизм, давший высокие, мирового уровня достижения в решении вопросов методологии, онтологии, гносеологии, в продвижении по пути исследования человека и общества (см. [Вазюлин 1968; Ильенков 1960] и др.). Более того, в это время сначала в среде научной интеллигенции, а позднее (в конце 1980-х) и в широких массах марксизм все чаще подается как методология и теория движения по пути к гуманистическому демократическому социалистическому обществу, в котором постепенно преодолеваются отношения отчуждения. Образ самого Маркса становится более выпуклым, живым, наполненным противоречиями и исканиями.

* * *

Когда стало ясно, что строительство общества с «человеческим лицом» затягивается, а жизнь людей все более ухудшается, нужно было найти авторитетный персонаж, которого можно обвинять во всех грехах и неудачах. Удобнее, чем Маркс, фигуры для этого просто не существовало, и вчерашний Прометей становится идеологическим Франкенштейном. В этих условиях простейшее решение — объявить марксизм идеологическим козлом отпущения — показалось официальным структурам и самым эффективным. *Остракизм был распространён в том числе и на теорию марксизма.* Период влюблённости завершается. От любви переходят к ненависти. Период 1990-х гг. характеризуется тотальным отрицанием марксизма. Изменяется содержание учебных курсов в университетах и даже школах, закрываются кафедры, переквалифицируются преподаватели. Один из самых поразительных феноменов начала 1990-х гг. стало едва ли не мгновенное (произошедшее буквально за несколько лет, а иногда и месяцев) превращение адептов марксистской философии, политической экономии и т.п. в ученых и преподавателей, развивающих идеи весьма далекие от марксизма, а в ряде случаев и активно отрицающие марксизм. Более того, едва ли не повсеместным становится тезис об ответственности Маркса и марксизма за все провалы российской экономики и проблемы общественной жизни.

Сегодня мы переживаем очередной виток «*возвращения к Марксу*». Оказалось, что Маркс прав в характеристике именно того капитализма, который возник в России. Российский капитализм породил колоссальное имущественное неравенство. Уровень социального неравенства, причем не только в доходах, но и в возможностях личностного развития, в постсоветской России оказался столь значительным, что в стране вновь стали востребованы идеи социальной справедливости. В немалой степени основой для возрождения интереса к марксизму стали провалы неолиберальной эконо-

мической политики. «Радикальный демократизм» европейского типа в России пробуксовывает. Люди устали от социальных экспериментов по моделям «чикагских мальчиков». Так реальные противоречия общественно-экономической жизни начали создавать предпосылки для возрождения творчески переосмысливаемого марксизма.

* * *

Размышляя о судьбах марксизма в России, важно помнить, что в самой трактовке теории марксизма можно зафиксировать различающиеся векторы (что, впрочем, не является спецификой нашей страны). Мне уже доводилось писать об этом, поэтому ниже я приведу фрагмент из одной из ранее опубликованных работ. На наш взгляд мы можем выделить следующие.

«Агрессивный» марксизм-ленинизм, сочетающий в себе черты догматизма и базирующийся скорее на вере, чем на знании.

Марксизм-ленинизм, базирующийся на идее возможности построения варианта социалистического общества, которое должно быть свободно от пороков бывшего СССР. Это дальнейшее развитие идеи так называемого социализма с «человеческим лицом».

Классический марксизм, основанный на объективной оценке наследия Маркса и вписывающий его в общую социологическую и философскую традицию.

Неомарксистские течения, для которых Маркс – объект достаточно критической свободной интерпретации.

Агрессивный антимарксизм, для которого Маркс выступает, прежде всего, мишенью критики, причем критики не теоретической: на него навешиваются все обвинения за то, что произошло в нашей стране. Как это ни парадоксально, это все тот же вариант тоталитарной идеологии, но с обратным знаком. См. [Миронов, Момджян 2015 web; Миронов (ред.) 2005].

В качестве комментария к этому перечню хотелось бы добавить, что в последние два десятилетия в России сложилось и активно развивается направление, которое называет себя постсоветской школой критического марксизма. Его представителями являются известные ученые – философы, политэкономы, социологи и т.п. Их работы переведены на многие языки мира, в России они издают ряд журналов³, опубликовали более ста монографий (см., напр. [Марксизм: альтернативы 2009; Социализм-XXI 2009; Дорога к свободе 2013; Либерализм и социализм 2013; Булавка 2007; Бузгалин, Колганов 2018]. Подробная характеристика деятельности постсоветской школы критического марксизма представлена в статьях [Бузгалин, Колганов 2005^a; Бузгалин, Колганов 2005^b]). Недавно на философском факультете МГУ был создан Центр современных марксистских исследований⁴, ставший инициатором проведения ряда крупных международных форумов (см., напр. [Зотова, Барашкова 2017]). Эта школа является одним из, к сожалению, немногочисленных российских примеров творческого развития марксизма применительно к реалиям современной эпохи.

* * *

Если рассматривать *марксизм как основу идеологии*, необходимо помнить, что в такой системе не работают категории истины или неистины (М. Вебер). Если говорить о марксизме или, точнее, о марксизме-ленинизме как идеологии, то она, безусловно, ограничена ценностными пристрастиями, многие из которых сегодня вряд ли реализуемы. Стратегия движения к обществу, где будут господствовать неотчужденные общественные отношения, экономическое равенство, дополняемое соревнованием в сфере творчества, диалог, – такая стратегия пока ещё менее эффективна, чем механизмы рыночного неравенства.

При этом, анализируя теорию Маркса, нельзя подменять это исследование априорной критикой в адрес сконструированной не самим Марксом модели идеологии. Сам Маркс понятие научной идеологии, как известно, отрицал. Данная её характеристика принадлежит Ленину, который пытался обосновать тем самым истинность

ценностных установок коммунистической идеологии. Идеология связана с практическим использованием концепции, а поэтому модифицируется под соответствующие условия. Расхождения с классической моделью по некоторым пунктам были так сильны, что понадобились различного рода добавления в виде марксизма-ленинизма, китайского варианта, кубинского варианта, о которых Маркс, конечно же, не писал.

В отличие от более поздних идеологических наслоений *концепция Маркса как научная теория – одна из наиболее глубоких рефлексий, касающаяся не только общества, но и человека, культуры в целом*. Другое дело, что она, как и всякая философская концепция, была продуктом эпохи, т.е. зафиксировала в себе рефлексию самосознания на определённой стадии развития культуры. Как и любая теория, она работает в рамках определённых гносеологических и социокультурных предпосылок. Она имеет огромное число истинных выводов, объясняет целый ряд даже современных проблем общества. Но она, безусловно, может и должна подвергаться критике и развитию. Это тем более уместно, что такой – диалектический – подход к любой теории составляет ядро самой марксистской методологии.

Здесь можно сослаться на К. Поппера, которого трудно назвать поклонником марксизма. Он разделяет теорию самого Маркса, которая выстраивается по критериям научности, в частности, давая вполне проверяемые предсказания. Часть этой теории «была фальсифицирована». Развивая свою мысль К. Поппер писал: «Однако вместо того, чтобы признать это опровержение, последователи Маркса переинтерпретировали и теорию, и свидетельство с тем, чтобы привести их в соответствие. Таким путем они спасли свою теорию от опровержения, однако это было достигнуто ценой использования средств, сделавших ее непроверяемой. Таким образом, они придали своей теории “конвенционалистский характер” и благодаря этой уловке разрушили ее широко разрекламированные претензии на научный статус» [Поппер 1983, 246].

На наш взгляд, эти слова Поппера могут быть адресованы только тем марксистам, кого мы выше в своей классификации назвали представителями агрессивного марксизма-ленинизма. Иначе говоря, теория марксизма научна, тогда как марксизм-ленинизм есть одна из попыток «спасения» теории и конструирование выводов, которые из самой теории не вытекают (подробнее см. [Бузгалин 2015]).

Завершая наши краткие размышления, подчеркнем: и сегодня можно выделить ряд идей концепции Маркса, которые могут служить для построения развитых социальных концепций. Прежде всего, это целый комплекс *философско-антропологических идей*, связанных с пониманием человека как существа, преобразующего мир. Маркс постепенно отказывался от жесткого принципа определения духовного из материального. Он дает свой ответ на вопрос о соотношении сознания и бытия. Для социальной философии эта проблема формулируется как роль сознания в деятельности людей, т.е. влияние сознания на ход и исход человеческих действий. Тем самым он говорит об идеях, которые могут влиять на общество, в том числе его материальную сторону. Таким образом, *мир вещей, действительно, может трактоваться как мир определенных идей*.

Маркс подошел к пониманию *необходимости будущего интегрированного человечества*. Причем это не постулировалось как некая очередная ценность, а выводилось из хода развития самого общества и его необходимости выступать как единое человечество ради собственного самосохранения. Это развиваемая им концепция о всеобщем производстве как особом типе адаптации через коллективное отношение к миру. Общество – это особая система и потому необходим интегративный его анализ, предполагающий установление координационных и субординационных связей между частями, образующими систему.

Соответственно, исходя из Маркса, можно говорить о трех типах деятельности. Это *материальное производство* – сфера, создающая для нас вещи, организационная форма деятельности – это форма, создающая необходимые для нас связи. *Социальная деятельность* – это сфера, которая непосредственно создает человеческую жизнь, и, наконец, *духовная деятельность* – это деятельность, создающая необходимую нам определенную информацию, так называемые символические объекты, с помощью

которых люди не меняют мир, а изменяют свое представление о мире. Это решает фундаментальные проблемы структурной теоретической социологии. Ну и, наконец, не забудем о том, что Маркс делал выводы о ценности человеческой личности, интересы которой могут стоять выше интересов классовых (подробнее см. [Момджян 2011]).

Упомянутые аспекты далеко не все из теоретического багажа Маркса, что заслуживает самого пристального критического внимания и развития сегодня. Не будем забывать и о том, что марксизм после Маркса — это сотни и тысячи глубоких научных работ, во многих случаях очень значительно продвинувших теорию своего учителя и предшественника, развивших ее применительно к реалиям XX и нынешнего веков. Но равно мы не можем забывать и о том, что именем Маркса сегодня, как и вчера, пользуются многие из тех, чьи деяния и идеи заставляют Маркса повторять свое знаменитое изречение: если это марксизм, то я не марксист.

Вот почему этот текст хотелось бы закончить обращением к научной общественности: наша задача — не преклоняться перед Марксом и не предавать его анафеме, а тонко и последовательно отделять зерна от плевел, *творчески (а значит, критически) используя наследие и самого Маркса, и его последователей*, органично включать эти концепции в ткань нашей науки и образования, ведя диалог с этим направлением с позиций самых разных научных парадигм, мы можем достойно ответить на вызовы и современности, и истории.

Примечания

¹ Ф.И. Тютчев мог себе позволить такое утверждение, ибо по роду своей деятельности за рубежом фактически выполнял функции создания положительного образа России в европейском сознании, который базировался на понимании её особой миссии. И, будучи чрезвычайно образованным человеком, он боролся с часто заведомо предвзятым отношением к России и русскому народу. «Вот это-то упорное пособничество верховной власти чужеземцам и содействовало более всего воспитанию в русской натуре, самой добродушной из всех, недоброго чувства по отношению к немцам, тогда как немцы, от мала до велика, наши и не наши, у которых нет, собственно, никакой причины не любить Россию, питают к нам исключительно физиологическую и потому именно неискоренимую и непреодолимую антипатию, расовую антипатию. И это наиболее яркая черта их национальности» [Тютчев 2004, 101].

² Ироничное обращение Путина при встрече с Саркози в 2007 году // <https://www.rbc.ru/politics/09/10/2007/5703c9529a79470eaf7674b9>

³ Старейшим журналом на постсоветском пространстве, издаваемым более четверти века и представляющим Постсоветскую школу критического марксизма, является журнал «Альтернативы» (электронные версии статей доступны на сайте журнала www.alternativy.ru). С 2015 г. в бумажном формате стал выходить также журнал «Вопросы политической экономики», в котором публикуются преимущественно ученые-экономисты, близкие к этому направлению (электронные версии статей доступны на сайте журнала www.interpolitec.su).

⁴ Официальный сайт Научно-образовательного центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова: <http://marxiststudies.ru>

Источники и переводы — Primary Sources and Russian Translations

Вазюлин 1968 — Вазюлин В.А. Логика «Капитала». М.: Издательство Московского университета, 1968 (Vasyulin V.A. *The Logic of 'Capital'*. In Russian).

Герцен 1931 — Герцен А.И. Былое и Думы. В трёх томах. Том второй. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931 (Herzen A.I. *My Past and Thoughts*. In Russian).

Ильенков 1960 — Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960 (Ilyenkov E.V. *Dialectics of the Abstract and Concrete in the Marx's 'Capital'*. In

Russian).

Литературное наследство 1969 – Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР. М.: ИПЛ, 1969 (*Literary Heritage of K. Marx and F. Engels: History of Publication and Study in the USSR*. In Russian).

Маркс 1961 – Маркс К. Письмо В.И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 19. М.: Политиздат, 1961 (Marx K. *Letter to V.I. Zasulich*. Russian translation).

Маркс 1964^a – Маркс К. Письмо Людвигу Кугельману, 12 октября 1868 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. Т. 32. М.: Политиздат, 1964 (Marx K. *Letter to Ludwig Kugelmann, October 12, 1868*. Russian translation).

Маркс 1964^b – Маркс К. Письмо Ф. Энгельсу, 3 августа 1870 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. Т. 33. М.: Политиздат, 1964 (Marx K. *Letter to F. Engels, August 3, 1870*. Russian translation).

Поппер 1983 – Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М.: Прогресс, 1983 (Popper K.R. *Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge*. Russian translation).

Энгельс 1964^a – Энгельс Ф. Письмо И.Ф. Беккеру, 14 июня 1872 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. Т. 33. М.: Политиздат, 1964 (Engels F. *Letter to I.F. Becker, June 14, 1872*. Russian translation).

Энгельс 1964^b – Энгельс Ф. Письмо Вере Ивановне Засулич, 6 марта 1884 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. Т. 36. М.: Политиздат, 1964 (Engels F. *Letter to Vera Ivanovna Zasulich, March 6, 1884*. Russian translation).

Ссылки – References in Russian

Ананьин 2007 – Ананьин О.И. Карл Маркс и его «Капитал»: из девятнадцатого в двадцать первый век // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 72–86.

Бузгалин 2015 – Бузгалин А.В. Анти-Поппер. Социальное освобождение и его друзья. М.: Либроком, 2015.

Бузгалин, Колганов 2005^a – Бузгалин А.В., Колганов А.И. Политическая экономия постсоветского марксизма (тезисы к формированию научной школы) // Вопросы экономики. 2005. № 9. С. 36–55.

Бузгалин, Колганов 2005^b – Бузгалин А.В., Колганов А.И. Социальная философия постсоветского марксизма в России: ответы на вызовы XXI века // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 3–25.

Бузгалин, Колганов 2018 – Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2 т. Т. 1. Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Т. 2. Теория. Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 4-е. М.: Ленанд, 2018.

Булавка 2007 – Булавка Л.А. Социалистический реализм: превратности метода. Философский дискурс. М.: Культурная революция, 2007.

Воейков 2011 – Воейков М.И. За критический марксизм: полемика с учеными. М., 2011.

Дорога к свободе 2013 – Дорога к свободе: критический марксизм о теории и практике социального освобождения / Под ред. Б.Ф. Славина. М.: УРСС, 2013.

Зотова, Барашкова 2017 – Зотова Е.С., Барашкова О.В. «Капитал»-XXI: философия, методология, теория (обзор Международной научной конференции, посвященной 150-летию выход 1-го тома «Капитала» К. Маркса) // Вопросы политической экономики. 2017. № 3. С. 169–185.

Кагарлицкий 2011 – Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм. Введение в социальную и политическую теорию. М.: Либроком, 2011.

Либерализм и социализм 2013 – Либерализм и социализм: Запад и Россия. К 200-летию со дня рождения А.И. Герцена / Под ред. М.И. Воейкова. М.: УРСС, 2013.

Лотман 2005 – Лотман Ю.М. Разговор о пространстве // Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2005.

Марксизм: альтернативы 2009 – Марксизм: альтернативы XXI века (Дебаты постсоветской школы критического марксизма). М.: Ленанд, 2009.

Межуев 2007 – Межуев В.М. Маркс против марксизма. М., 2007.

Миронов, Момджян 2015 web – Миронов В.В., Момджян К.Х. Прощание с Марксом? / Степнограмма лекции, прочитанной на семинаре Философского клуба 15 января 2015 г. // <http://old.winzavod.ru/upload/iblock/512/5129e8f36d1b41bd9d5b76418f8c4708.doc>

Миронов (ред.) 2005 – Философия. Учебник для вузов / Под общ. ред. В.В. Миронова. М.: Норма, 2005.

Момджян 1997 – Момджян К.Х. Введение в социальную философию. М.: Университет, 1997.

Момджян 2011 – Момджян К.Х. Антропологический аспект российской самобытности // Личность. Культура. Общество. 2011. Том XIII. Вып.3. С. 171–180.

Момджян 2013 – Момджян К.Х. Социальная философия. Деятельностный подход к анализу

человека, общества, истории. Часть 1. М.: Издательство Московского университета, 2013.

Момджян 2015 – *Момджян К.Х.* Антропологический аспект российской самобытности // Этнос, нация, ценности: Социально-философские исследования. М.: Канон+, 2015.

Муриков 2014 – *Муриков Г.* Парадоксы Бакунина (К 200-летию М.А. Бакунина) // Аврора. 2014. № 6. С. 58–70.

Пороховский 2016 – *Пороховский А.А.* Политическая экономия в XXI веке: системный подход в решении проблем современной экономики // Вопросы политической экономии. 2016. № 4. С. 8–22.

Пустарнаков 1999 – *Пустарнаков В.Ф.* Парадоксы в истории марксизма в России // Карл Маркс и современная философия. Сборник материалов научной конференции к 180-летию со дня рождения К. Маркса. М.: ИФ РАН, 1999. С. 311–328.

Славин 2014 – *Славин Б.Ф.* Марксизм: испытание будущим. О дискуссионных вопросах теории и истории марксизма. М.: Ленанд, 2014.

Социализм-XXI 2009 – Социализм-XXI. 14 текстов постсоветской школы критического марксизма / Под ред. А.В. Бузгалина, В.В. Миронова. М.: Культурная революция, 2009.

Тютчев 2004 – *Тютчев Ф.И.* Письмо А.М. Горчакову. 10 апреля 1865 г. Петербург // Ф.И. Тютчев. Полное собрание сочинений и письма в шести томах. Т. 6. Письма 1860–1873. М.: Классика, 2004.

Voprosy Filosofii. 2018. Vol. 7. P. 119-130

Marx and Russia: the Difficulties of Mutual Perception

Vladimir V. Mironov

The author answers the question of the extent to which Marx's theory is applicable to the study of Russian realities and how Marx treated Russia and vice versa. The article shows that the theory of Marx and, in particular, his works in the field of dialectics, the philosophy of history, etc., are quite universal, although, like any other philosophical doctrine, they can not be applied literally. It is equally important to bear in mind that Marx's works were based on the realities of the nineteenth century. Nevertheless, a number of their provisions retain their importance at the present time, and most important of them – a critical analysis of the contradictions of the capitalist social system, which is very relevant from the point of view of the study of the conditions of modern Russia. The author shows that Marx's attitude toward Russia was contradictory, and the attitude toward Marx in Russia changed more than once. Before the revolution of 1917, Marx's works were very popular among critically thinking intelligentsia. In the USSR, Marxism was turned into an obligatory and predominantly dogmatic theoretical narrative, although there was a world-class level of work in the sphere of critical Marxism. After the dissolution of the Soviet Union, there emerged an opposite turn – the dogmatic denial of Marxism, which in recent years, however, has been replaced by a revival of interest in creative Marxism, evidenced in particular by the formation of the Post-Soviet School of Critical Marxism.

KEY WORDS: Marx, Marxism, Russia, the USSR, intelligentsia.

MIRONOV Vladimir V. – member corr. RAS, Dean of the Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow, Russia.

dean@philos.msu.ru

Received at February 20, 2018.

Citation: Mironov, Vladimir V. (2018) “Marx and Russia: the Difficulties of Mutual Perception”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2018), pp. 119-130.

DOI: 10.31857/S004287440000233-1

References

- Ananyin, Oleg I. (2007) "Karl Marx and his 'Capital': from the Nineteenth to the Twenty First century", *Voprosy ekonomiki*, Vol. 9 (2007), pp. 72–86 (in Russian).
- Bulavka, Lyudmila A. (2007) *Socialist Realism: the Vicissitudes of the Method. Philosophical Discourse*, Kulturnaya Revolyutsia, Moscow (in Russian).
- Buzgalin, Aleksandr V., Mironov, Vladimir V., (eds) (2009) *Socialism-XXI. 14 texts of the Post-Soviet School of Critical Marxism*, Kulturnaya Revolyutsia, Moscow (in Russian).
- Buzgalin, Alexandr V. (2015) *Anti-Popper. Social Liberation and his Friends*, Librokom, Moscow (in Russian).
- Buzgalin, Alexandr V., Kolganov, Andrei I. (2005^a) "Political Economy of Post-Soviet Marxism (Theses to the Formation of a Scientific School)", *Voprosy Ekonomiki*, Vol. 9 (2005), pp. 36–55 (in Russian).
- Buzgalin, Alexandr V., Kolganov, Andrei I. (2005^b) "The Social Philosophy of Post-Soviet Marxism in Russia: Answers to the Challenges of the 21st century", *Voprosy filosofii*, Vol. 9 (2005), pp. 3–25 (in Russian).
- Buzgalin, Alexandr V., Kolganov, Andrei I. (2018) *Global Capital. In 2 vols. Vol. 1. Methodology: Beyond Positivism, Postmodernism and Economic Imperialism (Marx Re-loaded). Vol. 2. Theory. The Global Hegemony of Capital and its Limits ('Capital' Re-loaded)*, 4th edition, Lenand, Moscow (in Russian).
- Kagarlitsky, Boris Y. (2011) *Marxism. Introduction to Social and Political Theory*, Librokom, Moscow (in Russian).
- Lotman, Yuri M. (2005) "Talking about Space" in Lotman Yu.M. *Education of the Soul*, Isskustvo-SPb, St. Petersburg (in Russian).
- Marxism: Alternatives of the 21st century (Debates of the Post-Soviet School of Critical Marxism)* (2009), Lenand, Moscow (in Russian).
- Mezhuev, Vadim M. (2007) *Marx against Marxism*, Moscow (in Russian).
- Mironov, Vladimir V. (ed.) (2005) *Philosophy*, Textbook for High Schools, Norma, Moscow.
- Mironov, Vladimir V., Momdjan, Karen Kh. (2015) *Farewell to Marx?* <http://old.winzavod.ru/upload/iblock/512/5129e8f36d1b41bd9d5b76418f8c4708.doc>
- Momdjan, Karen Kh. (1997) *Introduction to Social Philosophy*, Universitet, Moscow (in Russian).
- Momdjan, Karen Kh. (2011) "Anthropological Aspect of the Russian Identity", *Lichnost. Kultura. Obshchestvo*, Vol. XIII, Issue 3, pp. 171–180 (in Russian).
- Momdjan, Karen Kh. (2013) *Social Philosophy. The Activity Approach to the Analysis of Man, Society, History*, Part 1, Izdatelstvo Moskovskogo Universiteta, Moscow (in Russian).
- Momdjan, Karen Kh. (2015) "Anthropological Aspect of the Russian Identity", *Ethnos, Nation, Values: Socio-Philosophical Studies*, Kanon+, Moscow (in Russian).
- Murikov, Gennady (2014) "Paradoxes of Bakunin (To the 200th Anniversary of M.A. Bakunin)", *Aurora*, Vol. 6 (2014), pp. 58–70 (in Russian).
- Porokhovskiy, Anatoly A. (2016) "Political Economy in the XXI century: a Systematic Approach to Solving the Problems of the Modern Economy", *Voprosy politicheskoy ekonomii*, Vol. 4 (2016), pp. 8–22 (in Russian).
- Pustarnakov, Vladimir F. (1999) "Paradoxes in the History of Marxism in Russia", in *Karl Marx and Modern Philosophy. Collection of Materials of the Scientific Conference for the 180th Anniversary of the Birth of K. Marx*, IFRAN, Moscow, pp. 311–328 (in Russian).
- Slavin, Boris F. (ed.) (2013) *The Road to Freedom: Critical Marxism on the Theory and Practice of Social Liberation*, URSS, Moscow (in Russian).
- Slavin, Boris F. (2014) *Marxism: a Yest for the Future. On the Discussion Questions of the Theory and History of Marxism*, Lenand, Moscow (in Russian).
- Tyutchev, Fedor I. (2004) "Letter to A.M. Gorchakov. April 10, 1865, St. Petersburg", *Complete works and letters in six volumes. Vol. 6. Letters 1860–1873*, Klassika, Moscow (in Russian).
- Voikov, Mikhail I. (2011) *For Critical Marxism: Polemics with Scientists*, Moscow (in Russian).
- Voikov, Mikhail I. (ed.) (2013) *Liberalism and Socialism: the West and Russia. To the 200th Anniversary of the Birth of A.I. Herzen*, URSS, Moscow (in Russian).
- Zotova, Elena S., Barashkova, Olga V. (2017) "'Capital'-XXI: Philosophy, Methodology, Theory (review of the International scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the publication of the first volume of K. Marx's 'Capital'", *Voprosy politicheskoy ekonomii*, Vol. 3 (2017), pp. 169–185 (in Russian).

Адхимукти и субъективность в когнитивном опыте: позиции абхидхармы и ранней йогачары

Дост. Дхаммаджоти

Статья посвящена тем идеям абхидхармы и ранней йогачары о природе сознания и субъективности, которые, с точки зрения автора, могут служить примером близости некоторых фундаментальных установок буддизма и феноменологии. Первая часть прослеживает как основные параллели, так и расхождения между буддийскими учениями и феноменологией: в обеих традициях пристальное внимание уделяется проблеме субъективности в познавательном опыте и разработке методов изучения сознания; вместе с тем буддизм, в отличие от феноменологии, ориентирован на конкретную работу с сознанием и предлагает практику медитации, целью которой является трансформация сознания медитирующего. Во второй части рассматривается понятие адхимукти (адхимокша). В контексте медитации оно обозначает ментальную силу, которая обуславливает когнитивный опыт медитирующего и продолжает воздействовать на его сознание даже после выхода из медитации. По мнению автора, подобного рода медитативная практика существенно повлияла на формирование концепции сознания в различных буддийских школах. В абхидхарме и ранней йогачаре именно сила адхимукти, определяющая способность человека к восприятию, является основой субъективности индивидуального опыта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: сознание, медитация, субъективность, феноменология, абхидхарма, йогачара, адхимокша, адхимукти.

Достопочтенный ДХАММАДЖОТИ – профессор Университета Гонконга, Гонконг.

dhjoti@gmail.com

ЮДИЦКАЯ Екатерина Алексеевна – лаборант-исследователь Института востоковедения РАН.

Статья поступила в редакцию 31 января 2018 г.

Цитирование: *Дхаммаджоти дост.* Адхимукти и субъективность в когнитивном опыте: позиции абхидхармы и ранней йогачары // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 131–139.

Как работает сознание: буддизм и феноменология

Дэн Захави правильно отметил, что, сравнивая буддийские доктрины и феноменологию, мы должны четко понимать то, что мы пытаемся сравнить [Захави 2017, 150], и это означает, что обе стороны должны основательно подготовиться, чтобы понимать друг друга. Буддистам придется еще долго изучать феноменологию, чтобы вникнуть в суть этой системы, тем более что сами феноменологи не могут прийти к полному согласию по многим вопросам. С другой стороны, феноменологи также должны изучать буддизм, например, его точку зрения на природу сознания и на субъективность – эту тему я и хочу поднять сегодня. Мои предварительные знания